

Публикации аспирантов

УДК 8Р1.161.1.09

Сотова Т.О.

Московский государственный областной университет

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ЭПОСА О ГИЛЬГАМЕШЕ Н.С. ГУМИЛЕВА В СООТНЕСЕНИИ С ЕГО ПОЭТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

T. Sotova

Moscow Regional State University

ADAPTATION OF EPIC ABOUT GILGAMESH BY N. GUMILEV IN CORRELATION WITH ITS POETIC CONCEPT THE HUMAN PERSONALITY

Аннотация. В статье уделяется внимание интересу Н.С. Гумилева к культурам Востока, а также древним и первобытным культурам.

Основное место занимает анализ поэмы Н. С. Гумилева «Гильгамеш» – поэтического перевода французского переложения вавилонского эпоса о Гильгамеше. Поэма рассматривается с точки зрения выражения авторской концепции человеческой личности, смысла ее бытия и места в системе мироздания. Проводится параллель с оригинальным поэтическим творчеством Гумилева, с его стихотворениями, в которых выявляется авторская концепция человеческой личности и проясняется мировоззрение поэта в последние годы жизни.

Ключевые слова: Бессмертие, герой, Древний Мир, культура, образ, человечество, эпос.

Abstract. The attention in the article is paid to N. Gumilev's interest to cultures of the East, and also to ancient and primitive cultures. The article is devoted the analysis of a poem "Gilgamesh" by N. Gumilev, the translation of the French adaptation of the Babylon epic about Gilgamesh. The poem is considered from the point of view of expression of the author's concept of the human personality, sense of its life and a place in the universe. The parallel with Gumilev's poetic creativity is drawn. The analysis of poems also reveals the author's concept of the human personality and clarifies the poet's outlook in his last years of life.

Key words: immortality, the hero, the Ancient World, culture, an image, mankind, epic.

Интерес Гумилева к наследию Древнего Мира замечен уже в раннем творчестве. Ярким примером может служить (возникший не без влияния Ницше) образ Заратустры («Песнь Заратустры») в книге стихов «Путь конквистадоров». В 1906 году, будучи в Париже, Гумилев посетил выставку работ Гогена, художника, который искал в первобытных культурах пути к новому видению в искусстве. В следующем году в Париже выставлялись картины Николая Рериха. Впечатлениям от двух этих выставок поэт посвятил заметку «Выставка нового русского искусства в Париже», которая была опубликована в журнале «Весы» в 1907 году. На Гумилева произвело сильное впечатление «духовное родство» русского и французского художников, и то, что «оба они полюбили мир первобытных людей» [2, с. 87–88.]. Там же, в Париже, Гумилев

приобрел свой многолетний интерес к африканской культуре. Примитивное искусство племен черного континента было в ту пору предметом увлечения многих представителей французской интеллектуальной элиты. Так, двое знакомых Гумилева, художник Модильяни и поэт Гийом Аполлинер, были серьезно увлечены африканской скульптурой, а первый даже собрал коллекцию.

Античные мотивы заявили о себе уже во второй книге «Романтические цветы», изданной в 1908 году в Париже. Практически все критики, откликнувшиеся на новый сборник (Петр Пильский, Андрей Левинсон, Виктор Гофман), признавая за автором определенные поэтические способности и художественный вкус, упрекали его в «эклектичности и подражательности» (Левинсон) [6, с. 202], «излишней изукрашенности» стиха (Пильский) [6, с. 210], в «отсутствии настоящей лирики» (Гофман) [6, с. 214].

Благожелательный отзыв на «Романтические цветы» принадлежал Иннокентию Анненскому. Отмечая, подобно другим рецензентам, подражание Гумилева поэзии французских декадентов и «деланность» [6, с. 104] его стиха, Анненский не ставил их в упрек автору. Рецензенту импонировала своеобразная, с налетом упадничества, красота поэтических образов, умение вдохнуть жизнь в литературные штампы, в чем учитель увидел свидетельство таланта молодого поэта. Своеобразную упадническую красоту отметил критик и в античных образах лирической книги. Он писал: «Днем черты экзотической царицы кажутся у спящей точно смятыми, да и у мага по лицу бродят синеватые тени. Но вчера в *safe-concert* они оба были положительно красивы, размалеванные» [6, с. 105]; «Никакого тут нет ни древнего востока, ни тысячелетнего тумана: бульвар, бес Аугер, кусок еще влажного от дождя асфальта перед кафе — вот и вся декорация «ассирийского романа» [6, с. 105].

В маленькой критической заметке Анненского есть важные для постижения лирики Гумилева заключения: «<...>Я рад, что романтические цветы — деланные, потому что

поэзия живых... умерла давно. И возродится ли?» [6, с. 105]. «Сам Н. Гумилев чутко следит за ритмами своих впечатлений, и лиризм умеет подчинять замыслу, а, кроме того, и что особенно важно, он любит культуру и не боится буржуазного привкуса красоты» [6, с. 105]. Для Анненского очевидно, что Гумилеву удалось почувствовать и передать атмосферу своей эпохи с характерным для нее кризисом культуры и переоценкой ценностей. Здесь вполне уместен вопрос: не было ли обращение к образам далекого прошлого, увлечение экзотикой попыткой уберечь, сохранить и обновить гибнущую культуру хотя бы в своем творчестве?

Со временем интерес к античности у Гумилева несколько ослабевает, но богатство культуры и мифологии Древнего Мира по-прежнему сохраняет свое значение для поэта. Если в первом из перечисленных сборников античные образы отмечены печатью декаданса (Клеопатра, Помпей, Каракалла, основатели Рима Ромул и Рем), то в последующих на первый план выдвинуты героические персонажи, олицетворяющие бесстрашие перед опасностью и мужество пред лицом судьбы (воин Агамемнон, Одиссей).

Предположительно в 1918 г. интерес Гумилева привлек древний шумеро-аккадский эпос о Гильгамеше. Знакомством с этой древнейшей в мировой истории эпической поэмой (почти на тысячу лет старше «Илиады») поэт, очевидно, был обязан ассириологу В.К. Шилейко, работавшему в тот период над ее художественным переводом на русский язык. Задавшись целью создать свое поэтическое переложение поэмы, Гумилев обратился к французскому переводу Э. Дорма (1907). Пользовался поэт и указаниями Шилейко, работавшего с несколькими дошедшими до наших дней древними редакциями эпоса, и, главным образом, с позднейшей (а также наиболее полной и удачно сохранившейся) «ниневийской» редакцией (VII в. до н. э.) [8, с. 184–194]. Поэтическое переложение Гумилева увидело свет в 1919 г. и было снабжено предисловием самого поэта и введением, написанным Шилейко.

В приобщении к достижениям мировой культуры, к прошлому человечества Гумилевым движет не только ностальгия по «уходящей культуре», не только желание сохранить ее свет в своем творчестве, но и стремление найти вечный изначальный идеал, нравственную основу, способную послужить человеку опорой в быстро изменяющемся мире. В этой связи интерес поэта к древнему Междуречью, одному из очагов мировой культуры, к эпохе детства человечества, когда люди были менее испорчены цивилизацией, кажется закономерным.

Почти сорок лет спустя специалист-исследователь и переводчик эпоса о Гильгамеше И.М. Дьяконов писал, что «принятый Дормом, а за ним Н.С. Гумилевым порядок фрагментов во многих частях ошибочен и досочиненные переводчиком части дают часто совершенно превратное понятие о содержании поэмы» [7, с. 329]. Упоминает Дьяконов и о том, что В.К. Шилейко в 1920-х годах также создал поэтический перевод поэмы, «для своего времени очень точный, но, к сожалению, рукопись его была утеряна» [7, с. 329].

Стоит обратить внимание на то, что сам Гумилев не планировал создание фундаментального труда, обладающего качествами исторической достоверности. Об этом он упоминает в «Предисловии переводчика»: «Не будучи ассириологом, я не задавался целью дать перевод, который имел бы научное значение» [3, с. 181]. Вольность в обращении с первоисточником состояла в том, что Гумилев позволил себе домыслить недостающие части строк и заполнить некоторые лакуны в тексте, а также изъять характерные для древневосточной поэзии многочисленные повторы. Однако при этом поэт стремился придерживаться стихотворного размера подлинника. Свою задачу Гумилев видел в том, чтобы сделать древний текст доступным широкому кругу читателей («Я полагаю, что вправе применить указанные выше приемы, потому что изумительно прекрасная поэма о Гильгамеше должна стать достоянием всех, а не только узких специалистов») [3, с. 181-182].

Заслуживает внимания и само предание о Гильгамеше, царе шумерского города Урука.

По мнению исследователей, Гильгамеш (Бильгемес или Бильгамес) мог быть исторической личностью – жрецом и военным правителем Урука, жившим между 2800 и 2700 годами до Рождества Христова. Судя по письменным источникам, дошедшим от начала II тысячелетия до н. э., исторический прототип легендарного героя действительно совершил немало выдающихся дел. Путем объединения нескольких общин ему удалось превратить Урук в мощный и укрепленный город-государство. Кроме того, согласно одному из древнейших преданий, Гильгамеш одержал победу над царем города Киша, которому прежние правители Урука должны были выплачивать дань. Царь Урука был незаурядной личностью не только в глазах современников, но и последующих поколений. Его имя было окружено множеством легенд, и даже когда историческая память о нем померкла, Гильгамеш продолжал жить в мифах и сказаниях, где предстал в облике божественного героя или божества, защищающего от демонов [7, с. 289-297]. Больше тысячелетия сказания о Гильгамеше существовали, главным образом, в устной традиции. Наиболее популярные из них сложились со временем в поэму, дошедшую до нас в нескольких вариантах. Древнейший ее список относится ко времени 1-й вавилонской династии (XXI-XX вв. до н. э.), но наиболее полной и интересной считается «ниневийская» или «ассирийская» редакция (VII в. до н. э.), названная по месту находки – при раскопках в Ниневии (в библиотеке ассирийского царя Ашурбанипала). Именно с этим, позднейшим вариантом поэмы, переведенным на французский, и работал Гумилев.

Нельзя не согласиться с И.М. Дьяконовым, что эпос о Гильгамеше – не вполне типичное произведение для литературы Древнего Востока. Поэма о Гильгамеше – это рассказ о судьбе человека, а может быть, и человечества в целом [7, с. 317-324]. Неизвестный автор поэмы ставил ряд философских вопросов: о месте человека в системе мироздания, о смысле жизни, о смерти и бессмертии.

Особенными чертами наделен характер главного героя – Гильгамеша, чертами привлекательными для Гумилева. Правителя Урука отличает не только богатырская сила и государственная мудрость, но и весьма независимый и гордый нрав, выражающийся отчасти и в не слишком почтительном отношении к богам (особенно заметно это в эпизоде с богиней Иштар). Подобное поведение можно было бы объяснить тем, что в жилах героя течет божественная кровь («Божество он двумя третями, человек лишь одною» [1, с. 196]), но на протяжении поэмы неоднократно подчеркивается принадлежность Гильгамеша именно к роду человеческому. Главный признак его «человечности» – смертность, одна мысль о которой способна повергнуть Гильгамеша в панический ужас. Но страх смерти не всегда преследовал царя Урука. Поначалу он искал выход переполнявшей его незаурядной энергии: проводил время в пиррах и развлечениях, от чего страдали люди, которыми он правил: «Но не знает он равных в искусстве мученья / Тех людей, что его доверены власти. / Гильгамеш, не оставит он матери сына, / Не оставит он жениху невесты, / Дочери герою, супругу мужу, / Днем и ночью он пирует с ними, / Он, кому доверен Урук блаженный...» [1, с. 196]).

Далее в поэме речь идет о событиях, которым было суждено изменить характер и судьбу героя: по воле богов он обрел товарища, равного себе по силе, – дикаря Эбани. Дружба с диким, но добрым Эбани меняет отношение к жизни и самого Гильгамеша: он вознамерился направить свои силы на борьбу с царящим в мире злом и тем самым «до дней отдаленных сохранить свое имя» [1, с. 212]. Вместе с другом Гильгамеш отправился в горы Ливана с тем, чтобы убить гигантского вепря Хумбабу, «хранителя кедров», а уже после смерти Эбани (наказанного богами за убийство священного вепря), познав ужас смерти, посетил царство мертвых, чтобы узнать секрет вечной жизни.

Образ Гильгамеша в гумилевском переложении интересен уже тем, что дан в динамике. Подобная ситуация не характерна для большинства известных мировой культуре

эпосов, где персонажи традиционно предстают как статичные фигуры. Превращение правителя Урука из необузданного юноши в отважного героя – тема, близкая Гумилеву, ставшему георгиевским кавалером в годы войны. И даже движимый в своей дальнейшей деятельности вполне эгоистическими мотивами (жаждой славы и физического бессмертия), Гильгамеш всё равно продолжает вызывать симпатию. Его упорство, неуклонное стремление к осуществлению своей мечты (пусть даже вопреки воле богов), жажда познать неизведанное делают характер героя древнего предания удивительно живым и человечным. Гумилев, вслед за автором древнего текста, подчеркивает именно эту жажду неизведанного, заложенную в каждом человеке и во всем человечестве. Именно эта жажда, наряду со страхом перед неизбежной смертью и желанием самоутвердиться, оставить свой след на земле, была на протяжении тысячелетий главным источником творческой энергии. Эти устремления сближают персонаж вавилонского эпоса с героями стихотворений и поэм Гумилева: «конквистадором в железном панцире», странствующим «по пропастям и безднам» в поисках таинственной звезды («Путь конквистадоров») [4, с. 71], скитальцем-викингом («Зачарованный викинг, я шел по земле...») [4, с. 83], «безумным охотником», который «В пьяном счастье, в тоске безотчетной / Прямо в солнце пускает стрелу» («Девушке») [5, с. 256]. Роднит Гильгамеша с героем гумилевской лирики и тоска о друге, с которым можно было бы разделить все радости и невзгоды («Товарищ» («Жемчуга»), «Тот другой» («Чужое небо»)) («Я жду товарища, от Бога / В веках дарованного мне / За то, что я томился много / По вышине и тишине» («Тот другой» [4, с. 191])).

Образ путешественника, искателя приключений, проходит через всё творчество Гумилева. Всегда под этой маской скрывается неудержимое стремление к неведомому, неудовлетворенность рамками земного бытия. Показательно в этом смысле сравнение отрывка из «Гильгамеша» и стихотворения Гумилева «Разговор». В Таблице десятой поэмы о «Гиль-

гамеше» повествуется о том, как герой, отправившись на поиски мудреца Ут-напиштира, обладающего секретом бессмертия, встречает корчмарку богов Сидури. У нее, обитающей на границе мира живых и Царства мертвых, Гильгамеш пытается выяснить дальнейший путь. Сидури убеждает его, что путь в Мир мертвых не под силу никому из смертных. В качестве утешения богиня предлагает Гильгамешу вернуться домой и провести остаток жизни в веселье и удовольствиях:

*Бессмертья, которого хочешь, ты не отыщешь!
Когда род людской создавали боги,
Смерть они приказали роду людскому
И в своих руках жизнь сохранили.
Ты, Гильгамеш, наполняй свой желудок,
Забавляйся ты и днем, и ночью,
Каждый день устраивай праздник,
Каждый день будь доволен и весел,
Пусть твои одеяния будут пышны,
Голова умащена, омыто тело,
Любуйся ребенком, твою хватающим руку,
Пусть к твоей груди припадает супруга!»*
[1, с. 234]

Так, по мнению богини, надлежит поступать человеку, и только так можно на время забыть о предстоящей смерти, неизбежность которой предначертана свыше. Но Гильгамеша, когда-то проводившего юность в пиррах и развлечениях, подобная перспектива уже не устраивает. Похожая ситуация описывается в гумилевском стихотворении «Разговор». Здесь душа и тело ведут между собой диалог, сопровождаемый забавной зарисовкой: тело «тащится вослед» [5, с. 206] душе, которая, охваченная жаждой чего-то неведомого, периодически покидает привычную оболочку. Те слова, которыми тело увещевает беглянку, напоминают наставление богини Сидури из «Гильгамеша»: «Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливым, / Где над людской толпой потрескивает газ, / И слушать, светлое потягивая пиво, / Как женщина поет «La r'tite Tonkinoise» [5, с. 206]. Тело говорит о бессмысленности всех духовных исканий и о той

участи, которая неизбежно ожидает любого из людей: «Пускай ушей и глаз навек сомкнутся двери, / И пусть истлеет мозг, предавшийся врагу, / А после станешь ты растением или зверем... / Знай, иначе помочь тебе я не могу» [5, с. 207]. Однако душа продолжает свой путь к «несуществующим, но золотым полям» [5, с. 206], подобно Гильгамешу, который, невзирая на все предупреждения, стремится отыскать секрет вечной жизни. За эгоистичными, на первый взгляд, стремлениями древнего героя к славе и бессмертию таится вечная жажда человечества преодолеть узкие рамки земного бытия.

По сюжету поэмы Гильгамеш в поисках бессмертия терпит фиаско. Тем не менее, финал изложенного Гумилевым предания, несмотря на весь трагизм, не выглядит безнадежным. По возвращении в родной город царь Урука, обращаясь к лодочнику Ут-напиштира Ур-Эа, говорит о том, что намерен воздвигнуть на месте старых крепостных стен новые, более мощные, и тем остаться в памяти потомков. Нужно упомянуть, что обитатели древнего Междуречья не имели в своей религии представления о рае, и Царство мертвых виделось им мрачным и унылым местом. Среди возможностей облегчить свою участь в загробной жизни выделялись две: многочисленное мужское потомство или оставленная героическими деяниями память среди последующих поколений. Жертвоприношения, осуществляемые потомками или просто чтящими имя усопшего людьми, должны обеспечить комфортное пребывание души в мире мертвых, а надежда на память в веках избавляла земную жизнь от бессмысленности [7, с. 279].

Возвращаясь к сопоставлению «Гильгамеша» со стихотворениями Гумилева, мы видим, что все приведенные выше поэтические тексты создавались задолго до знакомства с вавилонским эпосом. В древней поэме Гумилев, судя по всему, обнаружил близкое ему мироощущение, и именно это, прежде всего, делало ее в глазах будущего переводчика «изумительно прекрасной» и достойной широкого круга читателей.

Поздние книги стихов «Костер» и «Огненный столп» в ещё более глубоких и ярких поэтических образах и картинах передают авторскую философию героической личности. Именно в спокойном мужестве пред лицом опасности, в умении с достоинством принимать неизбежность судьбы, в жажде неведомого, свойственного человеческому духу, в стремлении преобразовать мир и оставить в нем след поэт видел вечный идеал, духовную основу, способную служить опорой человечеству в любую, даже самую трагическую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гильгамеш. Перевод Николая Гумилева // Эпос о Гильгамеше. Сказание о всё издавшем. – М.: Эксмо, 2005. – С. 195-253.
2. Гумилёв Н.С. Выставка нового русского искусства в Париже // «Весы». – 1907. – № 11. – С. 87-88.
3. Гумилёв Н.С. Предисловие переводчика / Эпос о Гильгамеше. Сказание о всё издавшем. – М.: Эксмо, 2005. – С. 181-182.
4. Гумилёв Н.С. Собрание сочинений: В 3 т. Т.1. Стихотворения. Поэмы, 1905–1916. – М.: Олма-Пресс, 2000. – 510 с.
5. Гумилёв Н.С. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2: Стихотворения. Поэмы, 1917–1921. – М.: Олма-Пресс, 2000. – 446 с.
6. Гумилёв Н.С.: PRO ET CONTRA: Личность и творчество Николая Гумилёва в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / [Подгот.: Ю. Зобнин]. – СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманитар. ин-та, 2000. – 620 с.
7. Дьяконов И.М. Эпос о Гильгамеше // Эпос о Гильгамеше. Сказание о всё издавшем. – М.: Эксмо, 2005. – С. 263-329.
8. Шилейко В.К. Введение // Эпос о Гильгамеше. Сказание о всё издавшем. – М.: Эксмо, 2005. – С. 184–194.